

Женский образ испанской идентичности

Е.Ю. Калинина
(Россия)

El artículo destaca y analiza los tipos básicos de la identidad femenina en España, que configuran la mitología de la conciencia española y los estereotipos en la percepción de la mujer. Previamente se estudia en general el proceso de formación de la identidad nacional española, así como de la identidad de género.

Общие предварительные замечания об испанской национальной идентичности. Для испанской культуры характерным является поиск идентичности, затерянной в вечной двойственности. Ее истоком можно назвать концепт «двух Испаний» (Dos Españas), который определяет основы этой двойственности. Сегодня этот концепт наиболее известен в связи с идеологией Ф. Франко, который использовал идею с целью обоснования своей победы и установления нового государственно-правового режима. Однако он сложился уже в момент формирования исторической национальной идентичности, воплощенной в концепте «Las Españas». В тот период это была объединительная идея. В ней подчеркивалось центристское стремление отдельных этносов со схожей политической и правовой культурой объединиться, не разрушив и не деформировав при этом собственную ментальность. С течением времени государственное развитие Испании пришло к одряхлению этого принципа, обновление которого совершалось через кризисы и инволюцию. На новом витке они привели к складыванию центробежной тенденции в XIX в., а она, в свою очередь, вызвала к жизни революции и выступление на политической арене нового политико-правового и культурного феномена: каталанского и баскского национализма, а позже, в XX в. – регионализма. В этом смысле вновь обретенный интеллигенцией конструкт «Las Españas» или «Dos Españas» оказался символом дезинтеграции, распада общенациональной идентичности, ознаменовал начало поисков новых смыслов. Примерно полвека испанское сознание было занято поисками своей обновленной идентичности. Она была обнаружена в единении с Европой и встраивании в глобальные процессы. Теперь у испанцев две основные политико-правовые идентичности (с точки зрения культурной их можно выделить больше, например, индивидуальная и семейная идентичности), и этот новый культурный и политико-правовой феномен изучается представителями разных социальных наук. Это европейская идентичность и национальная. Последняя делится на конституционную (то есть с государственно-правовыми ценностями) и традиционную (которую можно назвать национализмом или патриотизмом), по определению Жорди Муньоса (Muñoz J., 2013). Но для Испании характерна еще одна форма идентичности: региональная, которая развита сильнее, чем у остальных европейцев. Как бы исследователи ни ставили вопрос об идентичности, региональная всегда оказывалась на первом месте. Джеральд Бренан (Gerald Brenan), английский писатель и испанист, проживший семь лет в заброшенной деревеньке в горном районе провинции Гранада, отмечал, что локальная идентичность для испанцев является основополагающей, что серьезно затрудняет развитие политической жизни. Испанцев, в первую очередь, беспокоит

то, что происходит в родном селении, а потому «большая политика» представляется им чем-то чуждым (Brenan, G., 1991).

Таким образом, можно сформировать предварительный тезис о том, что национальная идентичность испанцев представляет собой многослойное и, нередко противоречивое образование, комплексный социальный конструкт, основывающийся на многочисленных факторах и выступающий в многообразных контекстах. Однако испанская культурная традиция, как правило, выделяет его дуальную структуру с целью подчеркивания его противоречивости самому себе.

Известный политолог и социолог Амандо де Мигель с долей иронии писал об Испании следующее:

Испания – «страна, в сознании которой все как будто двоилось; у нее было два лица – истинное и отраженное в кривом зеркале, в ней уживались невозможные как будто противоречия: ... «красные» и «голубые», искренняя вера и обязательная для всех религия, Хоселито и Бельмонте, «наши» и «ваши», официальная Испания и Испания реальная, ... Испания без забот и Испания с проблемами, та страна, что жила под лозунгом «Да здравствует смерть!» и та, что развивалась под лозунгом достижения душевного дохода в 2000 долларов в год, Испания Долорес Ибаррури и Испания Лолы Флорес».

(Мигель, А. де, 1985, с. 23)

Тем самым автор подчеркивает не только многосторонность, но даже некоторую «шизофреничность» испанского сознания. Сделаем здесь пометку, что в полной мере такое определение можно отнести к Испании XX века, и в особенности к первой его половине.

Мужская и женская идентичность в Испании. Среди самих испанцев и испаноговорящих народов распространено мнение о том, что сам испанский язык во многом «sexista» или даже «machista», то есть отражает мужскую картину мира. Такая ситуация, как отмечают некоторые современные авторы, сложилась еще в средневековье, когда сформировалась испанская государственность современного типа (Augas, M., 2001, pp. 303 – 304). Именно женщины в представлении испанского народа оказываются «виноватыми» в повседневных проблемах, а также исторических трагедиях. Вспомним, например, прекрасную Ла Каву, из-за которой погибла вестготская Испания. Примерами женского коварства признаются, например, Леонора де Гусман и ее последовательница, Мария Падилья, которые «околдовали» королей Альфонсо XI (первая) и его сына, Педро Жестокого (вторая), и те бросили своих законных жен. В результате эти любовные истории вылились в гражданскую войну, отягощенную иностранной интервенцией, и смену династии. Мировым женским образом Испании является цыганка Кармен, поведение и образ жизни которой оставляют желать лучшего, с точки зрения морали европейской цивилизации. Англичане без энтузиазма относятся к Катерине Арагонской, супруге Генриха IV, по «вине» которой была начата Реформация, а французы соответственно относятся к Анне Австрийской. Между тем испанский герой-мужчина известен всему миру как образец чести, гордости, смелости. Это и один из всемирных мужских образов – Дон Кихот, и современный персонаж-воплощение испанской идентичности – капитан Алатристе. Это также множество других персонажей, которых мы знаем с детства и олицетворяем с испанскими мужскими качествами-достоинствами. Даже по-своему отвратительный персонаж, Дон Жуан (Хуан), вызывает положительные

эмоции и его «плохой конец» – лишь дань цивилизационным стереотипам и поведенческим шаблонам.

Важная деталь: понятие Родина у испанцев связывается не с понятием семьи, рода, как в русском языке, а с именем отца. В русском языке между тем симметрично прослеживаются обе связи. Хотя и нет непосредственного упоминания о матери, оно органично «подсоединяется» к понятию Родины, которое к тому же слово женского рода. Уравновешивает понятие Родины – Отечество. Сабино Арана Гойри (Sabino Arana Goiri), основатель идеологии баскского национализма ввел в словарь реконструированного баскского языка понятие «Абегі», которое является сочетанием двух основ: ama (madre) – мать – и erri (pueblo) – народ, нация. Как отмечал в одной из статей в газете ABC писатель Хон Хуаристи (Jon Juaristi), этот термин представляет собой бессмысленный неологизм, однако он был в духе Мигеля де Унамуно, который тут же сочинил «чудовищную» (по мнению Х. Хуаристи) аналогию – «Matria» в противовес «мачистскому» понятию «Patria», «которую ни один испаноговорящий не включил в свой словарь» (Juaristi, J., 2001).

Это лишь самый общий набросок понимания женской и мужской форм идентичности, которые сложились в Испании. Далее речь пойдет о формах женской идентичности или о «женском лице» Испании.

Типы испанской женской идентичности. Несмотря на понятие о дуальности, используемое многими авторами, рассуждавшими об испанской идентичности, можно выделить четыре основных образа женской идентичности Испании. Вслед за Амандо де Мигелем мы можем говорить об «Испании Долорес Ибаррури и Испании Лолы Флорес». В этой характеристике подчеркнуты два лика женщины бунтующей, представляющей собой основной архетип испанки: революционерка и цыганка. Оба образа соотносятся с идеей маргинальности. Они были бы равно отвергнуты обществом, если бы не стали управлять своей судьбой и судьбой других людей, в том числе мужчин. К женщинам этого типа можно отнести Мариану Пинеду (первый тип) и Кармен – Марию Падилюю (один и тот же мифологический образ, увиденный вне Испании и созданный внутри). Кроме того можно было бы выделить еще один тип женщины бунтующей, но в рамках пространства, отведенного обществом женщине, так сказать, дозволенно бунтующую. Здесь можно говорить о двух подтипах: Тереса Авильская, сублимирующая страсть и формирующая идентичность через католическую религиозность, и королева Хуана Безумная, которая пыталась бунтовать в рамках светского пространства. Можно выделить и особую группу женщин, образ которых формирует испанскую идентичность: женщину смирившуюся, соответствующую традиционным испанским стереотипам. То есть мы можем говорить о массовой женственности, социальном стереотипе, который формирует представление о роли и месте женщины в испанском общественном сознании. Воплощением этого образа является Донья Росита. Этот образ прекрасно описан, например, замечательным испанским философом, поэтом и писателем Мигелем де Унамуно. В одном из своих эссе он дает следующее описание такой женщины (она принадлежит у писателя к баскскому народу, но отражает испанский идеал):

И вправду моим глазам предстало ностальгическое видение девушки в черном, в мантилье, с молитвенником в руке задумчиво идущей к заутрене. Эти наши басконские девушки, покорные судьбе, тихо идущие к заутрене, олицетворяют для меня молчаливую и внутреннюю жизнь, полную надежд, будь то надежды земные или небесные. (...) И в

зимние вечера, когда глаза уже не различают шитья, она прогуливается под руку со своей подругой (гулять парами – традиция) под сводами арок, и если поблизости не встречается прохожих, они поют. И так течет их жизнь, пока они не выходят замуж. Если выйдут...

(Унамуно, М. де, 1981, с.272).

Рассмотрим более подробно каждую из выделенных групп.

Маргинальная женщина-бунтарка. Представлена эта группа, как уже было показано ранее, двумя типажам, революционерки и цыганки. Оба этих типа в течение столетий представлялись нежелательными для общества. Их поведение не одобрялось, даже в том случае, когда такие женщины проявляли героизм, погибали, выказывали благородство. Это связано с тем, что в Испании на протяжении столетий формировались очень жесткие гендерные стереотипы, выйти за рамки которых представлялось невозможным. Тем самым женщина сразу же ставила себя вне общества. Такой тип поведения связывался исключительно с мужскими шаблонами гендерной идентичности.

Тип *женщины-революционерки* в основном проявлялся в периоды национального противостояния, например, во время гражданской войны. Как отмечает Мануэль Ортис (Ortiz Heras, M., 2006), впервые в испанской истории женщины могли себя проявить в политической деятельности только в период II Республики 1931–1936 гг. Конституция 1931 г. предоставила женщинам широкий объем прав. Революция родила женщин-героев, символом которых стала Долорес Ибаррури как воплощение мифа о женщине бунтующей. Но эта женщина не только героиня, как и сотни других, безымянных, женщин-милиционеров и женщин, уходивших к партизанам. Это еще и маргинальная женщина для традиционного католического сознания. Ею можно восхищаться, однако старики смотрят на нее с неодобрением, и уж никто, конечно, не согласился бы, чтобы его дочь или сестра стала такой. Долорес Ибаррури, например, ради своей семьи пришлось пожертвовать семейной жизнью, что стало частью мифа. Однако он сформировался не в 30-е годы XX века, а намного раньше. Ярким символом является Мариана Пинеда, которая, однако, борется не за абстрактные идеалы Революции, но из-за любви, что делает ее образ более лиричным и женственным.

Свобода, установившаяся во время революции, длилась всего пять лет, и с установлением диктаторского режима Ф. Франко все возможности не просто были отменены, но женщины оказались в еще более дискриминированном положении, с точки зрения политической. Например, в области гражданских и политических прав произошло возвращение к Гражданскому кодексу 1889 г. (Cruz, J., Zecchi, B., 2004, p.7) Однако в органической демократии Франко они признавались «моральной опорой общества» (Ortiz Heras, M., 2006, p.1). Можно отметить, что традиционалист Франко пытался силой государства поддерживать заложенный в общественном сознании и правосознании стереотип женщины, который мы отнесли к последней группе, «*массовой*» женщине, Испанке с большой буквы. Это хранимый в подсознании каждого испанца образ идеальной Матери и идеальной Жены, который, несомненно, силен до сих пор. Идеальная «массовая» женщина должна была выглядеть следующим образом:

...она должна быть соответствующим образом одета, то есть одежда должна быть с длинными рукавами или до локтя, без декольте, в свободной юбке, которая не должна подчеркивать отдельные части тела, ни привлекать нежелательного внимания. Одежда не

должна быть короткой и тем более прозрачной. Молодые девушки не должны появляться на улице одни, ни в сопровождении мужчины, который не являлся бы членом семьи.

(Ortiz Heras, M., 2006, p. 3)

Таким образом, произошло возвращение к шаблону женской идентичности, который к тому времени уже устарел и требовал некоторой коррекции. Однако это не было сделано, что и привело к массовому выплеску сексуальности в период смены диктаторского режима демократическим (La Transición) 1975–1983 гг. Это было связано также с «головокружительными», по словам ряда авторов, или революционными переменами в положении женщины (Cruz, J., Zecchi, B., 2004, p.7). Однако также существует мнение, что юридически испанские женщины всегда были более независимы и имели особый, по сравнению с остальной Европой, статус. Следовательно, основной круг проблем заключался в сдерживании прежде всего психофизиологических проявлений женственности, нежели гендерных.

В этом смысле наиболее ярко проявляется тип *женщины бунтующей*, который представляется *маргинальным* испанскому сознанию: Кармен или Мария Падилья. Кармен – это «внешний» образ испанской идентичности. Поэтому он не принимается полностью испанским сознанием. Это зеркальное отражение, взгляд извне, то, что видят *другие*. А то, что видят другие, как известно, является образом, пропущенным через шаблоны собственной идентичности. Именно поэтому одни народы столь часто не узнают себя в отражении сознания другого народа. То же произошло и с Кармен. Это один из стереотипов, сформированных так называемой «черной легендой» (Leyenda Negra), который появился в процессе противостояния Европы и Испании еще со времен Возрождения. Истоки образа Кармен, однако, можно искать в Испании. Проспер Мериме обработал ряд народных преданий и мифов, в частности, миф о Марии Падилье, королеве цыган (Augras, M., 2001). Известно, что этот образ не имеет ничего общего с реальным историческим прототипом, тайной женой короля Педро I Кастильского, прозванного Жестоким. Однако судьба реальной женщины удивительна. Сначала она стала героиней народных романсов, где ей уже придавались несвойственные ей черты кровожадности, жестокости, испорченности. Впоследствии слух о ее «нечистом» происхождении трансформировался от иудейских корней к цыганским, что придало ей больше таинственности. Она стала сначала колдуньей, а затем цыганкой. В XX веке этот образ с гораздо меньшей степенью преувеличения, воплотился в другой цыганке, Лоле Флорес, о чем уже упоминалось в связи с размышлениями крупного современного политолога, Амандо де Мигеля. Как и Кармен, она становится символом маргинальной Испании, но уже в современном обличье. Для Амандо де Мигеля это – символ пошлости испанского псевдоискусства, «цыганщины» (а не цыганского глубинного искусства, которое так любил Ф. Гарсия Лорка), которое рождается с целью одурманивания населения, чтобы заставить его забыть о пережитой гражданской войне и попытках установить новый, более справедливый социалистический мир. Естественно, необходимо отметить, что это один из мифов об этой женщине, и ее творчество продолжают любить и уважать в Испании и за ее пределами.

Последний тип женской испанской идентичности – женщины, выражающие себя более ярко в традиционных условиях. В результате они переступают общественные рамки, выводя женственность в ту сферу, в которой ей быть не положено, в соответствии со стандартами и стереотипами общества. Это Тереса Авильская и королева Хуана Безумная. Хотя первая, казалось бы, представляет собой чистейший образец традиционной женщины, однако ряд критиков указывает на эротические аллюзии в ее духовных мистических произведениях. Хуана Безумная заслужила свое прозвище, указывающее на ее маргинальность, тем, что чрезмерно, по меркам общества, любила и боготворила своего мужа. Ради него она, по сути, отказалась от престола, хотя современники утверждали, что она могла бы быть мудрой правительницей, подобной ее матери, Изабелле Кастильской.

Заключение. В общих чертах мы выделили и рассмотрели основные стереотипы женской идентичности в Испании, которые сформировали образ испанской женщины во всем многообразии. От покорной судьбе женщины-Матери, идеале, живущем в подсознании каждого испанца, даже в современном, столь сложном, мире, до женщины-бунтарки. Бунтовать в традиционном католическом обществе представляется делом нелегким. Женщина, вышедшая из подчинения жесткой общественной структуре, изгонялась из нее, вынужденно становилась маргинальной, отверженной. Даже если это была женщина, которой тайно восхищались, избранный тип поведения, скорее, отталкивал простых обывателей. Поэтому каждый из названных типов воплотился в образах конкретных женщин, героинь, сформировавших мифологию общественного сознания в Испании.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

AUGRAS, M., 2001: María Padilla, reina de la magia. *Revista Española de Antropología Americana*, 31, 293-319.

BRENAN, G., 1991: *Al Sur de Granada*. Madrid, Siglo XXI de España, S.A.

CRUZ, J., & ZECCHI, B. (Eds.), 2004: *La mujer en la España actual. evolución o involución?* (Vol. 46). Icaria Editorial.

JUARISTI, J., 2001: Aberri. *ABC* 15/04/2001

MUNOZ, J., 2013: La construcción política de la identidad española. ¿del nacionalcatolicismo al patriotismo democrático? *El Diario*. Disponible en internet URL: http://www.eldiario.es/agendapublica/blog/construccion-identidad-nacionalcatolicismo-patriotismo-democratico_6_99100092.html.

ORTIZ HERAS, M., 2006: Mujer y dictadura franquista. *Aposta: Revista de ciencias sociales*, (28), 1.

МИГЕЛЬ, А. де, 1985: *40 миллионов испанцев 40 лет спустя*. М.: Прогресс.

УНАМУНО, М. де, 1981: От Оньяте к Айтсгорри. *Избранное в 2 томах*. Т. 2. Л.: Художественная литература.